



БОРИС  
ПИЛЬНЯК

ПОВЕСТИ  
И РАССКАЗЫ

*Борис Пильняк*

Борис Пильняк

**Три Брата**

«ФТМ»

**Пильняк Б. А.**

Три Брата / Б. А. Пильняк — «ФТМ»,

ISBN 978-5-457-31399-6

«Там степь, заволжье уперлось – не в Волгу, а в Трех Братьев, которые в географии, кажется, являют собой кусочек Ергеней. Волга узка и пустынна, хоть и нижний здесь начинается плес. Река Караман опоясала Катринштадт, и немцы курят трубки – Трем Братьям и степи...»

ISBN 978-5-457-31399-6

© Пильняк Б. А.

© ФТМ

# Борис Пильняк

## Три брата

### I

Память знает эти медовые пряники с горькой миндалиной посреди, – память хранит те медовые дни, как мед мне, пришедшему, в сущности, со всяческих Иргизов. Там степь, заволжье уперлось – не в Волгу, а в Трех Братьев, которые в географии, кажется, являют собой кусочек Ергеней. Волга узка и пустынна, хоть и нижний здесь начинается плес. Река Караман опоясала Катринштадт, и немцы курят трубки – Трем Братьям и степи.

Без четверти семь утра бьют в кирке колокола, и вся колония сидит за столом за кофэ. В семь утра бьют в кирке колокола, и вся колония за работой. Памятью – я смотрю в окно дома Gross-Mutter: одинокий верблюд утверждает Азию, «ночь Азии», «змеиную мудрость» и драконов – змеиной шеей, драконьей головой и степным спокойствием, – не даром «спокойствие» и «степь» созвучны. За окном пустынная площадь, пятьдесят градусов жары по реомюру и колокольня кирки, которая плавится зноем, – а там дальше, кажется в тридцати шагах, стоят Три Брата. Генрих Карлэ, друг моего детства, говорит у окна:

– Wollen wir spazieren gehen? – мне, переводящему на русский, очень смешно: – «хотим мы итти гулять»?

В без-четверти двенадцать бьют на кирке колокола (металлический, не русский звон), и вся колония сидит за обедом и затем – прикрыв ставни и раздевшись, как на ночь, спит. Мне темно даже читать и я лежу, задрав ноги, грызу пальцы и думаю о том, почему воры не воруют здесь днем, – очень скучно вспоминать, что здесь вообще не воруют. Колокол бьет в три, тогда пьют кофэ, в пять и в восемь. В девять вся колония снова спит, уже на ночь. Рабочий день – колоколом – ликвидируется в пять. В гости ходят от пяти до восьми, до ужина. Гостям дают медовых пряников с горькой миндалиной посреди, рюмочку вина и предлагают сыграть партию домино. Gross-Mutter имеет пять пар туфлей, все они стоят у порогов, в одних она ходит по двору, в других по коровнику, в третьих по кухне, в четвертых по столовой, в пятых по гостиной, – это чтобы соблюсти чистоту. Полы моют каждый день, а дом снаружи – по субботам. В коровнике полы моют тоже по субботам. Непонятно – люди для чистоты, или чистота для людей. У Gross-Mutter, на лесенке есть шкаф с вином, я понял, что самое разумное, когда спят днем после двенадцати, обследовать этот шкаф, чтобы на самом деле заснуть к трем. – Мой отец, Андрей Иванович Вогау (Андреас Иоганович)? – русский земский врач. Мы сидим у дяди Александра, тетка Леонтина делает такой вкусный пунш, – мне бы сходит с Ирмой в Катрин-Гартен! – но дело не в этом, дело в том, что Gross-Mutter запирает калитку на замок ровно в восемь, когда бьет колокол на кирке, а сейчас десять, и мой отец сокрушенно стоит у забора, я лезу на забор вперед, отец за мной; на дворе отец шепчет мне:

– Сними, Борюшка, сапоги. А то нашумим мы и наследим. И я и отец, мы идем по двору, и в коридоре на ципочках в чулках, чтобы лечь бесшумно. Отец закуривает папиросу, – и на крашенном полу, блестящем зеркально, четко отпечатаны следы наших чулок. Отец зажигает вторую спичку, папиросу вставляет в угол рта, покачивает головой и говорит уже на языке, которым встретил жизнь: – «O, mein lieber Gott» (– я и он сидим на полу, заговорщицки гмыкаем и стираем следы с пола носовым платком). Утром мы всеравно попадаем с поличным – платками. А отец сидит с дядями, причем у каждого дяди по трубке с каучуковым мундштуком, шеи в шарфах, лбы под широкополейшими соломенными шляпами, рожи

бриты и носы сизы в расплавленном дне: – отец рассказывает дядям о непорядке и непорядочности русских, о земском деле и бездельи; немцы слушают, курят и говорят степенно:

Но, mein lieber Gott!

Ну, да. Бабушка, милая – милая Gross-Mutter Анна, повезет меня на кабриолете на Караман, в «займи-ш-тэ» (сиречь займище). Милая бабушка Анна сошьет мне штаны и курточку на рост и поведет меня на тир, где немцы состязаются по воскресеньям на звание короля стрельбы. Я приехал туда – на лодке под рваным парусом, с сизолицым немцем в шляпе, как зонтик, по мутноводной Волге, – на лодке, которая блестела русской в Пасху горницей и так сладостно – Стенькой Разиным для мальчишки – пахнуло варом. Я помню верблюда, утвердившего мне Азию, «Ночь Азии» и «змеиную мудрость» драконов – песчанной своей шерстью, степным спокойствием и криком своим, заключившим в себе всю культуру Турана. У меня – от милой, милой моей бабушки Анны – еще до сих пор есть шерстяные чулки, красные с синими полосками, такие добротные и неизносимые, как вся немецкая культура. Бабушка тогда мне, ребенку, рассказывала, как, когда немцы впервые пришли сюда на Волгу, они вели войну с киргизами; один раз киргизы поймали в займищах на Карамане тридцать немцев и вырезали им языки; а немцы, излавливая конокрадов-киргизов закапывали их в стога и сжигали заживо; моя детская фантазия рисовала тогда: зеленые степные ночи и обязательно верблюдов, много верблюдов; мне было очень тесно от рассказов бабушки.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.